

Максимов К. Н. Рец. на: *Кропачев С. А., Кринко Е. Ф. Потери населения СССР в 1937–1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография.* М.: РОССПЭН, 2012. 350 с.

Новая книга известных российских историков С. А. Кропачева и Е. Ф. Кринко посвящена освещению советской и современной российской историографией масштабов и форм репрессий и потерь населения СССР в 1937–1945 гг. В ней анализируется историография одного из самых сложных и противоречивых периодов в истории России, вызывающего в последние годы широкий профессиональный и общественный интерес и обусловившего появление множества публикаций. Выстроив монографию проблемно-хронологически, ее авторы акцентируют внимание на вопросах массовых репрессий в период конца 1930-х гг. и Великой Отечественной войны, вызывающих острую полемику у исследователей, — прежде всего речь идет о людских потерях и их демографических последствиях для советского общества.

Анализ отечественной и зарубежной литературы по истории советской эпохи и сталинизма привел авторов к убеждению в необходимости выявить методологические проблемы и научно-организационные формы изучения демографических потерь в рассматриваемый период. В связи с этим они выделяют конкретно-исторический подход, основанный на традиционном источниковедческом анализе комплекса документов. При этом авторы совершенно справедливо отмечают, что при исследовании вопросов о потерях важен компаративный анализ различных по происхождению и содержанию источников. Особенно это касается источников, характеризующих потери личного состава действующей армии в годы Великой Отечественной войны.

Для извлечения конкретных объективных сведений о действительных масштабах людских потерь СССР в годы репрессий и Великой Отечественной войны в монографии использован историко-демографический подход, или, иначе — метод демографического баланса, при котором главными источниками информации о демографических процессах являются статистические сведения, извлеченные из материалов переписи населения. Однако и этот вид

источника требует всестороннего источниковедческого анализа, особенно при изучении вопросов его происхождения. В книге С. А. Кропачева и Е. Ф. Кринко динамика репрессий достаточно убедительно и научно-обоснованно проиллюстрирована на примере переписей населения СССР в 1937 и 1939 годах.

Проведя анализ существующей методологии изучения форм и масштабов «большого террора», и вообще репрессий, авторы монографии сделали убедительный вывод о том, что данная методология нуждается в обновлении и совершенствовании, с учетом использования источников статистического характера.

Ценность рецензируемого труда состоит в том, что в нем обстоятельно рассмотрены вопросы терминологии, определены дефиниции комплекса терминов, выработан соответствующий понятийный аппарат, способствующий глубокому исследованию демографических потерь в эпоху сталинизма. В работе раскрываются такие основные для изучения темы политических репрессий понятия, как «террор», «репрессии» и их виды. Авторы обоснованно подчеркивают, что критерием для осуществления террора выступает его идеологическое обоснование, в том числе и по этническому признаку. Здесь стоило бы добавить, что мотивы террора могут быть зависимы от времени, обстоятельств и целей правящего режима.

В книге уделено немалое внимание понятию «репрессия» и его дефиниции. Авторы, соглашаясь с определением, данным в Законе РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» (18 октября 1991 г.), акцентировали внимание на главных видах репрессий, имевших прямые демографические последствия (массовое применение смертной казни; лишение свободы и заключение в учреждения пенитенциарной системы государства; массовые депортации). Закономерно выделив «большой террор» как процесс, явление и понятие, авторы локализируют его в хронологических рамках 1937–1938 гг. Между тем, анализируя течение процесса в различных регионах СССР

(республиках, краях и областях), я пришел к выводу о том, «большой террор» стартует уже в 1934 г., а во второй половине 1938 г. наблюдается его заметный спад.

Авторы правомерно обращаются к анализу видов наказаний со стороны советского государства, сложившемуся в существующей историографии, — и в том числе рассматривают депортацию, в интерпретации которой сложились два подхода — в официальных документах и в историко-политической литературе. Совершенно справедливо отмечается, что в советских официальных документах отсутствует единая трактовка самого понятия « депортация». В современном законодательстве депортация характеризуется как принудительное перемещение лица за пределы государства. А в историографии термин «депортация» понимается как одна из форм политических репрессий, применяемая в виде принудительного перемещения групп людей или народов, по этническому признаку, в пределах данного государства. Из всех проанализированных работ они выделили понятие «депортация», предложенное П. М. Поляном, который указал на наличие внесудебного характера, тотальной направленности, цели «изъять» (так в документах органов, осуществлявших депортацию. — *К. М.*) людей из исконных мест обитания и переместить их в новую, непривычную, рискованную для выживания среду. Мне представляется необходимым добавить: принудительное перемещение группы людей, этносов, с лишением их гражданских прав, с превращением в неполноценных членов советского общества, с заключением их под гласный и негласный надзор и установлением в местах спецпоселения особого режима с целью принуждения к труду, при этом не создавая им необходимые социально-бытовые условия.

Говоря о депортации народов как о геноциде, авторы указывают на имеющиеся в литературе неоднозначные мнения по данной теме. Действительно, в официальных документах, зафиксировавших организацию и проведение депортации народов в Советском Союзе, не запечатлены явные указания властей на осуществление геноцида по отношению к депортируемым народам. Но по последствиям депортация фактически все же представляла собою геноцид, за исключением лишь отдельных народов, переселенных в места с благоприятными природно-климатическими условиями.

В отличие от других вопросов монография уделяет незначительное внимание проблеме реабилитации репрессированных народов. Советское государство после смерти Сталина начало поэтапное освобождение из-под административного надзора необоснованно репрессированных народов, что выразилось в амнистировании и восстановлении в гражданских правах — но отнюдь не всего народа, а лишь отдельных его групп по категориям. Процесс реабилитации жертв политических репрессий, как известно, начался в соответствии с решениями XX съезда КПСС, с восстановления упраздненных национально-государственных образований депортированных по этническому признаку народов. В первую очередь проводилась политическая реабилитация, почти одновременно с ней — экономическая, материальная реабилитация, постепенно — реабилитация социальная и культурная. Правильно отмечается, что начатый в период «хрущевской оттепели» процесс реабилитации прервался с подспудной реанимацией культа личности Сталина и возобновился с распадом СССР и образованием суверенной Российской Федерации.

Одним из достоинств рецензируемой книги является то, что в ней вопросы развития и институционализации исследований по проблемам масштабов и форм потерь советского населения в годы репрессий и Великой Отечественной войны внимательно проанализированы и освещены. Прослежены пути становления нового научного направления — исторической демографии, научных, военных, официальных, общественных структур, занимавшихся и продолжающих изучение демографической ситуации в стране. Развитие этого научного направления зависело от проводимой правящим режимом идеологии, от степени его заинтересованности в появлении объективного изучения людских потерь в указанных событиях 1937–1945 годов.

Как отмечают авторы, кардинальные изменения в исследовании проблематики репрессий произошли в годы «перестройки» с образованием Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий, Комиссии по установлению истинных потерь населения СССР в Отделении истории АН СССР под руководством академика Ю. А. Полякова, с учреждением Всесоюзного добровольного историко-просветительского общества «Мемориал» (ныне Российское), Коорди-

национального центра Министерства обороны Российской Федерации по увековечиванию памяти защитников Родины и ряда различных общественных организаций. Все это способствовало обогащению историографии масштабов и форм репрессий и потерь советского населения в 1937–1945 гг. Следует отметить, что это научное направление ныне значительно активизировалось с созданием Российского исторического общества во главе с С. Е. Нарышкиным, Председателем Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации.

Значительное внимание авторы оправданно уделяют современным формам представления исторических знаний, периодизации историографии Великой Отечественной войны, которая до последнего времени не была лишена общественно-политической конъюнктуры. Особенность данного труда состоит в том, что авторы предложили свою периодизацию историографии потерь советского населения в 1937–1945 гг., выделив в нем два основных этапа — советский (1930–1980) и современный (постсоветский) — с конца 1980-х гг., которые в свою очередь распределены по периодам. При этом они, проанализировав развитие историографии исследуемой проблемы сквозь призму совокупности внутренних и внешних факторов, удачно определили их критерии. Совершенно справедливо отмечается, что оценки историков советского периода в определенной степени менялись, их исследования находились под идеологическим контролем, важнейшие источники им не были доступны. В постсоветской историографии наблюдается отход от догматизированных положений, расширение источниковой базы исследований, новые концептуальные подходы.

Вторая глава монографии посвящена анализу историографии масштабов и форм политических репрессий в 1937–1945 гг. Авторы начинают этот раздел с утверждения о том, что первыми историками политических репрессий были те, кто непосредственно их осуществлял, — И. Сталин, В. Молотов, Н. Ежов и другие руководители советского государства. Не отрицая их роли в создании истории, я все же их не отнес бы к категории «историков», а их труды к исследованиям. По моему мнению, они прежде всего являлись создателями, творцами источниковой базы по истории репрессий. Это очевидно при изучении вопросов о про-

исхождении исторических источников по данной проблеме. Идеи, цели, идеологическое, политическое обоснование репрессий полностью исходили от этих руководителей, которые выступали и авторами многих документов, особенно директивного характера, исходящих из органов партийной и государственной власти. Приводимые факты и сведения в их докладах и выступлениях ими не готовились, они являлись продуктами деятельности сотрудников соответствующих служб. Поэтому эти материалы исследователи всегда рассматривали и использовали как источники, в том числе и в докладных более позднего времени (на имя Н. С. Хрущева). С тем большими основаниями к источникам авторы книги относят информации бывших политзаключенных (носителей знаний о масштабах репрессий).

Историография темы массовых политических репрессий начинает практически развиваться в период «оттепели», но в связи с попыткой реабилитации И. Сталина эта проблема оказалась свернутой. За рубежом же, напротив, в кругах эмигрантов заметно активизировались исследования по вопросам репрессий в СССР. Но в их трудах имеются существенные расхождения в оценках, суждениях о репрессиях в СССР, количестве пострадавших и погибших в результате террора.

Тема сталинских репрессий прочно вошла в науку с эпохи «перестройки», в условиях политики «гласности». Официально новому периоду в осмыслении этой проблемы был дан старт в 1987 г. М. С. Горбачевым. Стали появляться не только публицистические и научные труды, но и произведения художественной литературы на тему тоталитаризма. Однако и в них, ввиду недостаточности источниковой основы, имелись серьезные расхождения в оценке сведений о масштабах политических репрессий.

В рецензируемом труде утверждается, что следующая тенденция в исследовании сталинских репрессий и их последствий связана с открытием доступа к ранее засекреченным документам из фондов некоторых архивов. Первым, кто использовал источники подобного рода, по мнению авторов, является известный историк Д. А. Волкогонов. С этого времени вопрос о численности потерь в годы сталинских репрессий породил острую дискуссию, которую обстоятельно проанализировали С. А. Кропачев и Е. Ф. Кринко.

Авторы монографии уделили пристальное внимание феномену «большого террора» и его масштабам, осмысление которых сыграло важнейшую роль в становлении современной историографии сталинизма. Конкретная задача по уничтожению «врагов народа» была сформулирована решением пленума ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г., в развитие которого был принят ряд постановлений Политбюро ЦК ВКП(б), приказов НКВД СССР, установивших контингент и количество репрессируемых, в том числе и по национальным республикам. В книге достаточно глубоко проанализирована историография «большого террора», показаны участие в его инициировании и реализации И. Сталина, Н. Ежова, А. Вышинского. Авторами сделан совершенно обоснованный вывод о том, что массовые политические репрессии 1937–1938 годов имели для советского общества и государства серьезные негативные последствия. Произволу подверглись сотни тысяч ни в чем не повинных людей, представителей всех национальностей СССР.

В работе специально выделена историография ГУЛАГа и спецпоселений, занимавших ключевые места в пенитенциарной системе советского государства. ГУЛАГ — Главное управление исправительно-трудовых лагерей ОГПУ в 1930 г., с 1934 г. НКВД СССР. В 1941 г. этому управлению подчинили все колонии НКВД и создали отдел трудовых и специальных поселений, который в 1944 г. был выделен в самостоятельную структуру. ГУЛАГ представлял собой широко разветвленную систему с 53 лагерями, имевшими многочисленные отделения и пункты, 425 колониями, более чем 2 тысячами спецкомендатур. Он распределял и перераспределял заключенных всех исправительно-трудовых лагерей. Особый интерес в книге представляет анализ историографии спецпоселенцев и их вклада в развитие производительных сил северных и восточных регионов СССР. Изучение историографии показало, что система исправительно-трудовых лагерей и спецпоселений представляла собой мощный лагерно-промышленный комплекс, основанный на использовании принудительного труда и игравший значительную роль в жизни страны.

В рецензируемой монографии большое место занимает историография депортации народов СССР. Авторы справедливо отмечают, что эта проблема в последние годы

вызывает повышенный научный и общественный интерес, объясняя проявление этого интереса прежде всего этнополитическими процессами и связывая их с событиями военного времени. Мне, однако, представляется, что активизация научного осмысления сложного, трагического периода в истории народов, переживших депортацию, связана с получением возможности объективно осветить их историю военного периода на основе новых документальных источников, выявленных в рассекреченных фондах архивов. При этом, не оправдывая, снять необоснованные, ложно предъявленные им обвинения. Считаю, что именно эти факторы способствовали активизации историков в национальных республиках, развитию историографии депортации по этническому признаку.

В рецензируемой книге историография этнических депортаций проанализирована согласно предложенной авторами периодизации. Они, как и некоторые другие исследователи, совершенно справедливо отметили негативную роль эмигрантской печати в судьбах самих репрессированных народов, усилившей огульные обвинения этих этносов в антисоветских настроениях и выступлениях. Это находит подтверждение и в действиях калмыцкой эмиграции, нашедшей в годы войны приют у нацистов, активно выступавшей и пропагандировавшей нацизм, ведшей антисоветскую пропаганду от имени всего калмыцкого народа, не имея на это ни полномочий, ни социальной опоры и организационной связи с калмыками в СССР.

Выделяя новый этап в развитии историографии депортации, авторы связывают его с общим изменением обстановки в стране в 1990-е гг., с возобновлением реабилитации жертв политических репрессий, с введением в научный оборот новых документальных материалов, на основе которых стало возможным объективно освещать прошлое. В книге достаточно основательно проанализированы труды историков, раскрывающие причины депортаций. Выявив различные мнения, суждения и оценки по многим вопросам, авторы пришли к обоснованному выводу о необходимости продолжать исследования данной проблемы.

Специальная глава рецензируемого труда посвящена оценке демографических последствий Великой Отечественной войны. Это правомерно, поскольку народы СССР принесли на алтарь Победы многомилли-

онные жертвы. Изучение потерь в Великой Отечественной войне имеет не только научное значение, но и высокий нравственный и общественно-политический смысл. Рассмотрев историографию проблематики потерь, авторы объективно отмечают, что исследования, осуществленные в советские годы, были подчинены идеологии, подвержены политической конъюнктуре в угоду правящему режиму, которому было выгодно приуменьшить потери в Великой Отечественной войне, скрыть от народа истинную численность убитых, раненых, пропавших без вести и попавших в плен.

Новые оценки масштабов потерь СССР в военное лихолетье стали появляться в период «оттепели», но и они не были лишены политической конъюнктуры, преподнося различные цифры о потерях в войне — от 20 млн до 30 млн человек. В зарубежной литературе диапазон разночтений по этому поводу более внушителен — от 22 млн до 50–60 млн человек. Подлинные размеры наших людских потерь длительное время скрывались от народа, вплоть до 1990-х гг., когда впервые стали называться цифры прямых потерь — 26–27 млн. Имеющиеся публикации и исследования свидетельствуют, как отмечают авторы: политизация военной темы и сегодня затрудняет установление подлинной численности потерь Советского Союза в 1941–1945 годах.

Широко известно, что в годы Великой Отечественной войны Красная Армия понесла большие, безвозвратные потери личного состава. Ни в зарубежных, ни в отечественных исследованиях до сих пор не имеется единого мнения о количестве людских потерь Советского Союза в минувшей войне. По подсчетам авторов новейшего справочного издания «Книга потерь», безвозвратные потери списочного состава военнослужащих составили 8668400 человек, из них пропали без вести и попали в плен — 4559000 [Кривошеев и др. 2009: 50–51]. По данным Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий, в плену оказались 4069600 солдат и офицеров Красной Армии. По сведениям немецкого историка К. Штрайта, общее число советских военнослужащих, оказавшихся в плену у немцев, составляло 5734528 человек [Штрайт 2009: 8]. Профессор Рурского университета Б. Бонвеч указывает на две официальные цифры, свидетельствующие о количестве со-

ветских военнопленных в Германии — 5246 тыс. (по данным Главного командования сухопутных войск) и 5744 тыс. (по данным военной разведки) [Бонвеч 2010: 121]. Он отмечает, что официальных данных о числе погибших в немецких лагерях не существует. В фашистских концлагерях, по данным К. Штрайта, погибли 57,8 % советских военнопленных, или 3300 тыс., а по мнению Б. Бонвеча, не совсем известна судьба 2800 тыс. Согласно подсчетам отечественных составителей новейшего справочного издания, 2500 тыс. советских военнопленных не дожили до освобождения. А всего, по неполным данным сводки № 45 Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации граждан СССР на 1 февраля 1946 г., количество выживших советских военнопленных в фашистских концлагерях составляло 2016480 человек [ГАРФ. Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 933. Л. 60; Д. 285. Л. 166].

При анализе данных о безвозвратных потерях в Великой Отечественной войне, на мой взгляд, следует иметь в виду сложившийся у граждан бывшего СССР со времен принятия сталинских приказов стереотип о военнопленных как о предателях, из-за которого родные и близкие до сих пор не могут преодолеть синдром страха за находившегося в плену. Помимо этого, следует учитывать и особенности отчетов командования воинских частей о потерях личного состава. Они, скрывая «худший показатель — плен», увеличивали в безвозвратных потерях, как отмечается в историографии, число «без вести пропавших». Мне представляется, что говоря о потерях в Великой Отечественной войне и советских военнопленных, следовало бы обратить внимание на работы исследователей о судьбе пленных, репатриированных в Советский Союз.

Проанализировав отечественную историографию Холокоста и проблемы определения численности его жертв, авторы монографии приходят к выводу о том, что она представляет одну из наиболее политизированных и идеологизированных проблем истории Великой Отечественной войны. Совершенно справедливо отмечается, что в историографии и в историческом сознании современного общества вырабатывается понимание того, что уничтожение евреев представляло собой составную часть общих нацистских планов преобразования мира и их реализации на оккупированной советской территории.

Рецензируемая монография, несмотря на высказанные выше замечания и пожелания, безусловно является высоконаучным исследованием и представляет собою новый фундаментальный труд по историографии людских потерь Советского Союза в годы апогея политических репрессий и Великой Отечественной войны. Проанализировав доступную зарубежную литературу и значительный массив отечественной

историографии по названной проблеме, авторы выяснили, что в целом советскими и современными российскими историками накоплен немалый опыт изучения масштаба и форм потерь и репрессий в СССР в 1937–1945 гг. Значение данного труда, помимо всего вышеизложенного, определяется комплексным исследованием источниковой базы и историографии рассматриваемой проблемы.

Литература

- Бонвеч Б.* Советские военнопленные между Сталиным и Гитлером / Война на уничтожение: Нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы. Материалы Международной научной конференции (Москва, 26–28 апреля 2010 года). М., 2010. С. 121.
- Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ).* Ф. Р-9526. Оп. 6. Д. 933. Л. 60; Д. 284. Л. 117; Д. 285. Л. 166.

- Кривошеев Г. Ф. и др.* Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. М.: Вече, 2009. С. 50–51.
- Штрайт К.* «Они нам не товарищи...»: Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. / пер. с нем. И. Дьяконова, предисл. и ред. И. Настенко. М.: АНО «Русское историческое общество» – НП ИД «Русская панорама», 2009. С. 8.

References

- Bonvech B. [Soviet Prisoners of War between Stalin and Hitler]. In: [War on Extermination: Nazi Genocide Policy in Eastern Europe]. Conf. proc. (Moscow; April 26–28, 2010). Moscow, 2010. P. 121. (In Russ.)
- Krivoshchev G. F. et al. [Great Patriotic War without a Secrecy Label. Book of Losses. The Newest Reference Book]. Moscow: Veche, 2009. Pp. 50–51. (In Russ.)

- [The State Archive of the Russian Federation]. Fund Р-9526. Invent. 6. Case 933. Sheet 60; Case 284. Sheet 117; Case 285. Sheet 166. (In Russ.)
- Streit K. [“They are not our Comrades...”: Wehrmacht and Soviet Prisoners of War in 1941–1945]. I. Diakonov (transl.). I. Nastenko (ed., foreword). Moscow: Russian Historical Society, Russian Panorama Publ., 2009. P. 8. (In Russ.)